

ВЕК ДВАДЦАТЫЙ И ДАЛЕЕ...

Повесть и рассказы

ШАЛИ, МОЕ СЕРДЦЕ

1901. Обморок

Девочка Оля готова была умереть, ибо жизнь без желанного Васи казалась ей хуже тюрьмы, хуже каторги, хуже монастыря, хуже смерти, и она уже собиралась гордо крикнуть об этом отцу, да-да-да, гневно выкрикнуть прямо в его бородатую поповскую физиономию — но силы ее покинули, сознание помутилось, подкосились колени, и закружились золотые звезды, замелькали сиреневые искры, и зазвучала пьянящая музыка вальса, томящая сладкая музыка, под которую они танцевали тогда, на праздничном новогоднем балу в женском епархиальном училище, куда впервые за всю историю были приглашены и юноши из ветеринарного фельдшерского училища, и пары самозабвенно кружились, и Оля, закрыв глаза, плыла и летела, и вздрагивала в сильных руках партнера, и снова кружилась, кружилась, кружилась... пока гнусный запах нашатыря не вырвал ее из этого забытья...

— Пора собираться в училище, дитя мое!

1903. С Рождеством Христовым!

«Добрый день или вечер, дорогая дочь Ольга!

Поздравляем с приближающимся высокоторжественным праздником Рождества Христова и наступающим Новым годом. От души желаем провести праздники в добром здравии и веселье. Дай Бог тебе мира и счастья. С нетерпением ждем от тебя добрых вестей, надеемся на твоё благоразумие. А на брак твой с известным господином нашего благословения не дождешься. Возвращайся домой, блудная дочь. Чти отца с матерью и смири гордыню.

С тем до свидания. Твои многострадальные родители».

1904. С Днем ангела!

«Здравствуйте, любезные папа и мама!

Примите от меня и от Васи нижайший поклон и сердечные поздравления с мамиными именинами. Здоровье мое, слава Богу, поправилось. Вася завтра уезжает в Манчжурию, а потом в Порт-Артур, воевать с японцами. Когда вернется, мы с ним поженимся. Благословите нас, мои дорогие мама и папа. Простите нас. Мы не можем жить друг без друга. Я очень волнуюсь за Васю. Мама, помолись за него и за меня. А вчера мы узнали из газет, что умер Чехов. Я всю ночь проплакала.

Клянюсь вам, любящая вас дочь — Оля».

1905. Октябрь, медовый месяц

— Беда России заключается в том, что это слишком большая страна, — вещал господин Ф., норвежский путешественник, остановившийся в особняке у купца Загадова по пути на Дальний Восток. — Слишком огромная. Трудно развивать цивилизацию на демократических началах в такой бескрайней стране.

— А Северо-Американские штаты? — возразил Загадов.

— Ваше замечание было бы верным, если бы Северо-Американские штаты были созданы индейцами, аборигенами. Понимаете? Но вспомните, кто заселил и освоил Америку? Белые люди! Авантюристы, дельцы, головорезы... Для создания нового государства, новой цивилизации лучших людей не сыскать. Переселенцы были идеальным материалом для этого эксперимента. Американский эксперимент, я считаю, удался. Или — в Австралии — вы только посмотрите, во что превратили недавние каторжники этот дикий континент! А вот ваш русский эксперимент который вы нынче затеяли... тут есть много поводов для сомнений.

— А вы не сомневайтесь. Россия обойдется без варягов! — запальчиво вмешался дедушка (ему тогда еще не было и тридцати). — Так что за нас не бойтесь.

— А я вот боюсь. Боюсь, что огромная империя рухнет, рассыплется, едва установится в ней парламентский строй. Такие провинции, как Польша, Финляндия, Украина — они поспешат сразу же оторваться от России. Для многих народов ваша страна — жандарм. За что вас любить поработенным нациям?

— Нельзя под одну гребенку стричь всех русских!

— Тем не менее, вас не любят. Ведь эмоции — первичны. К тому же, каждый народ имеет над собой ту власть, которую он заслуживает. Значит, каждый русский человек, тем более интеллигент, несет ответственность за те безобразия, что творятся в его стране и под флагом его страны. Разве не так?

— Вы просто не любите Россию, — буркнул дедушка, краснея от возмущения.

— Нет, вы сами не любите свою страну. Те, кто любят, борются за ее свободу.

— Постойте, господа, я вот что подумал, — вмешался захмелевший Загадов. — Ваши слова насчет Северо-Американских штатов сильно меня задел. А не образовать ли нам свои Сибирские штаты? А? Как вы на это смотрите? Суверенная Сибирь! А?

— Именно на этом настаивают областники, — заметил дедушка. — Потанин, Ядринцев... и наш земляк — Владимир Крутовский.

Знаменитый путешественник отмахнулся пренебрежительно. Он был пьян. Его лицо покраснело, белые усы промокли от шампанского, глаза блестели. Дедушка смотрел на него с неприязнью. Господин Ф. заметил этот взгляд и высокомерно усмехнулся.

— Боюсь, революция вам не поможет, — громко сказал он, стуча десертной ложкой по бокалу. — Из России не выйдет проку.

— Это почему же? — бледнея, спросил дедушка и даже приподнялся из-за стола.

— А потому, молодой человек, что вы все, пардон, рабы, — путешественник рассмеялся. — Рабы, лентяи, болтуны, нытики. Привычка к рабству сидит у вас в крови, в каждом из вас, передается по наследству еще со времен монгольского ига. Так что зря император даровал вам свободы, все равно ничего у вас не полу...

— Молчать! — крикнул дедушка, срываясь на фальцет. — Вы оскорбили русский народ, вы осмелились покуситься на самое дорогое. Негодяй! Я вызываю вас на дуэль! Только кровью... только кровью вы смоете оскорбление!..

Под ногами дуэлянтов, внизу, распластался спящий город. Поблескивают золотые купола храмов. Виден мерцающий Енисей, на правом берегу которого сквозь утренний туман громоздятся синие горы.

Встретились на Караульной горе, возле часовни. Секундант был один на двоих — Загадов. Больше никто не согласился, не уговорили.

— Башка трещит, спасу нет, — бормотал Загадов, бородатый, красноглазый, страдающий с похмелья.

— Где пистолеты? Давайте ближе к делу, — нетерпеливо сказал дедушка.

Ему было холодно на ветру, он поднял узкий бархатный воротник пальто.

— По какой системе желаете стреляться? — спросил Загадов.

— Мне безразлично, — сказал господин Ф.

— Я знаю, знаю! — быстро сказал дедушка (и подумал: «Хочу как Лермонтов»). — Надо, чтобы между барьерами было пять метров, и чтобы до барьера сходить тоже с пяти метров. А стрелять — когда кто захочет! После вашего счета, разумеется.

— Мне все равно, — повторил путешественник. — Давайте быстрее, — господин Ф. сбросил шубу, размял плечи, встал в позицию.

Дул сильный ветер. Целиться было трудно — слезились глаза. Пистолет тяжелый. Впрочем, вовсе не пистолет, и не дуэльный, а новейший револьвер «Кольт». Дедушка поднял руку с револьвером, рука тряслась.

— Внимание! — крикнул Загадов. — Приготовьтесь! Раз, два... три!

Дедушка быстро пошел вперед. Рука вдруг перестала трястись, дедушка даже удивился. Он прицелился в лоб противника, потом подумал, что наверняка промахнется, и опустил ствол ниже, решил целиться в грудь. И вдруг испугался: «Я же могу его убить! — и тут же сердито возразил сам себе: — Разумеется. Для чего же ты его вызвал? Да, но за что — убить? За какие-то пьяные слова?.. Кстати, что он там говорил? Я уже и не помню. Не помню, совсем ничего не помню... Фу, чепуха какая... Надо стрелять! Стрелять! Скорее, пока он меня не убил... Нет, не хочу, выстрелю в воздух... Нет! Это глупо и унижительно... Он же первый будет надо мной смеяться...»

В этот момент господин Ф. выстрелил, дедушка выстрелил тоже. Оба промахнулись. А может, оружие вовсе и не было заряжено? Вон Загадов — ухмыляется как-то странно... Норвежец отбросил револьвер и выругался по-норвежски, а дедушка продолжал шагать и бессмысленно нажимать на спусковой крючок.

— Ага! Ага! — нелепо выкрикивал дедушка.

— Эй, доктор, стойте! — крикнул Загадов.

— Я не доктор, я ветеринарный фельдшер! И вы это прекрасно знаете! — оскорбился дедушка и повернулся к Загадову, наставляя на него револьвер.

— Вася, прекрати! — закричала невесть откуда взявшаяся бабушка Оля (ей, кстати, было тогда восемнадцать). — Перестань, умоляю тебя!

— Как ты тут очутилась?.. — смутился он. — Кто тебе сказал?

— Господа, пора ехать, — произнес путешественник, вынимая из кармана хронометр. — Мне еще надо успеть на поезд. Где наша коляска?

— Поехали, поехали! — подхватил Загадов. — Выпьем, закусим, глядишь, и помиримесь...

— Никогда! — фыркнул дедушка.

Норвежец молча пожал плечами.

— Придется ехать в объезд, — сказал Загадов. — Гляньте, что в городе-то творится! Улицы забиты народом, демонстрации, митинги... Бунт!

— Революция, — уточнил дедушка.

В тот же день молодые влюбленные гуляли по городу, не замечая происходящих вокруг исторических событий. Проходили мимо фотоателье Нудельмана, решили зайти. В ателье было темно, лишь где-то в дальнем углу комнаты мерцала тускло горящая свеча. Фотограф Нудельман устанавливал аппарат, заряжал кассету.

— А это не дорого? — засомневался дедушка, нащупывая в кармане ассигнации.

— Кто гонится за дешевкой — тот платит дороже, выбрасывая деньги на ветер, — сказал Нудельман.

— Ну, хорошо. Где нам встать?

— Советую — в лодке. Символ семейного счастья и согласия. Пожалуйста в лодочку, мадам и месье. Мадам, склоните головку. Вот так. Месье, возьмите весло. Очень славно. Так и стойте. А я сейчас...

— Я люблю тебя, — прошептал вдруг дедушка, и бабушка задохнулась от счастья.

Дедушка стоял рядом с ней в бутафорской лодке с веслом в правой руке, а левой сжимал тонкие холодные пальцы своей ненаглядной.

— Внимание, господа! Примите позы! Снимаю!.. Оч-чень славно.

(Таковыми они и остались навечно на старой пожелтевшей фотографии).

1917. Прощение

«Енисейскому губернскому комиссару Временного правительства

от вдовы бывшего ветеринарного фельдшера в г. Канске Василия М-на — Ольги М-ной.

Прошу выдать мне пенсию или единовременное пособие от казны за безупречную службу мужа, умершего от чахотки в воинском чине старшего ветеринарного фельдшера. После его смерти я осталась одна с четырьмя малолетними детьми (Анастасия 6 лет, Виктор 5 лет, Елена 3 лет и Александра 2 лет), без всяких средств к существованию и нуждаюсь в оказании материальной помощи».

Резолюция:

«Просьба не может быть удовлетворена, ибо срок службы Василия М-на недостаточен для предоставления его вдове пенсии или единовременного пособия.

*Губернский комиссар Временного правительства
Владимир Крутовский».*

Мораль:

Вот так моя бабушка Ольга Ивановна осталась в разгар революции совсем одна, без копейки денег, с четырьмя детишками на руках. Родители дедушки, проживавшие в далеком Кунгуре, от нее отступились, а ее собственные папа с мамой незадолго до этого умерли, не оставив наследства. Да и какое могло остаться наследство от сельского священника? Библия, «Часослов», церковный календарь, две иконы, два золотых крестика на медных цепочках и три золотых монеты. Да еще большой кованый сундук с музыкальным замком, набитый всякой рухлядью...

Бабушке пришлось рассчитывать только на себя. И она справилась! Работала учительницей в школе, дома стряпала, стирала, шила. Сын и дочери (одна из них — моя мама) подрастали, становились ей помощниками, приучались к самостоятельности, к тому, что надеяться в этой жизни можно лишь на себя.

От государства (любого) не стоит ждать ничего, кроме неприятностей. И даже лучшие люди (одним из которых, несомненно, был известный врач и общественный деятель Владимир Крутовский), оказавшись на государственном посту, незаметно для себя превращаются в бездушные рычаги бюрократической машины.

1924. Зуб мудрости

«Дорогой товарищ Луначарский! Глубокоуважаемый Анатолий Васильевич!

В эти скорбные траурные дни, когда весь народ прощается с великим вождем, я обращаюсь к вам, нарком просвещения, с необычным, но очень важным предложением.

Прежде всего представляю. Мое имя — Семен Семенович Симкин, я дантист, зубной врач из далекого сибирского города Кырска, где когда-то, в апреле 1897 года, побывал проездом наш дорогой и любимый Ильич,